

ГЛАВА IV

СУДЬБА САМОУПРАВЛЕНИЯ
В СОВЕТСКОЙ РОССИИ

СПОСОБНЫ ЛИ СОВЕТСКИЕ ЛЮДИ К САМОУПРАВЛЕНИЮ?

Андрей Амальрик отвечает категорически: "Русскому народу... почти совершенно непонятна идея самоуправления".*

И ему вторят многие голоса: нужны традиции, которые вырабатываются очень медленно. Они стали только-только складываться в старой России (в земствах, профсоюзах, кооперативах) и были пресечены Октябрем. За советский период люди и вовсе отвыкли от самостоятельности.

На первый взгляд звучит убедительно. Но при более глубоком и спокойном размышлении все предстает в ином свете.

Медленно вырабатываются традиции и навыки? Конечно медленно — в условиях несвободы или ограниченной, полуфиктивной свободы, при отсутствии заинтересованности (в этом случае) в самоуправлении. Какие права были у тех же земств в царской России? Какие средства и возможности? Какой узкий круг людей они интересовали! В таких условиях достаточные навыки к самоуправлению у большинства народа вообще выработаться не смогут. История развития этих навыков, как и история доброты, топчется на месте и все по тем же самым причинам.

На примере воспитания детей мы знаем, что лучшее средство воспитания самостоятельности — это предоставление самостоятельности. Если же откладывать предоставление самостоятельности до того момента, когда

* "Просуществует ли Советский Союз до 1984 года?"

человек наконец созреет для нее, то он никогда и не созреет! Оставаясь на берегу, плавать никогда не научишься. (Не случайно советская молодежь отличается инфантильностью).

Советские люди отвыкли от самостоятельности больше других? Верно. Но, добавим мы, и больше других истосковались по ней. И не все отвыкли в одинаковой степени, чтобы быть к ней совершенно неспособными. Инженеры и рабочие в силу самого характера своей деятельности вынуждаются постоянно принимать самостоятельные решения. То, что решения эти направлены в основном на обход указаний и планов, спускаемых сверху, в данном случае отрицательного значения не имеет. Если бы советские люди этого делать не умели, жизнь в стране сделалась бы физически невозможной.

Инженерно-рабочий слой*, как и научную и лучшую часть гуманитарной интеллигенции России, смело можно бросить в "реку" самостоятельности и самоуправления. Эти люди не "утонут" еще и по той причине, что все будут находиться примерно в одинаковом положении, будут начинать от одного уровня. (Монополия внешней торговли в переходный период должна, наверное, оставаться в руках государства и ограждать молодые коллективы от внешней конкуренции).

Необходим, разумеется, и переходный период для поэтапного вступления коллективов в полное самоуправление и для налаживания его на всех уровнях. Но перспектива должна быть ясной, чтобы предотвратить разруху, а может быть и междоусобицу. И эта перспектива

* По моим наблюдениям в СССР заводские инженеры по социальным интересам и психологии настолько близки к рабочим, что составляют с ними единый слой (или класс) общества. Находясь в фокусе всех негативных проявлений тоталитарного социализма, инженеры и рабочие объективно более всех заинтересованы в самоуправлении. Притом инженеры заинтересованы даже больше рабочих. Они интеллектуализируют весь слой "заводского народа" и делают его потенциально более самостоятельным. Пример и подтверждение этому дает история "Солидарности". Формирование "инженерно-рабочего класса" — это, возможно, важнейшее побочное положительное действие тоталитарного социализма. (Подробнее об этом см. в книге "Свобода, власть и собственность".)

должна быть гарантирована всеми другими реформами государственной власти, о которых мы говорили выше.

Далее, некоторые не верят в возможность введения самоуправления в России, а заодно и демократии, в связи с якобы полным отсутствием правосознания у людей. Об этом можно сказать примерно то же самое, что и об отсутствии навыков к самоуправлению. Во-первых, не отсутствует правосознание полностью. При полном отсутствии правосознания и правопорядка невозможно было бы создать в стране гигантскую современную индустрию. А во-вторых, до тех пор правосознание будет оставаться недоразвитым, пока не начнется установление демократии и самоуправления. Конечно, имеются слои населения (вне промышленности), которые действительно отличаются очень слабым правосознанием, но ведь они и не будут решающими в деле установления самоуправления и демократизации.

Беда в другом — в очень разрушенной нравственности людей, когда не грех нарушать любые правила и законы, если они мешают нам, и можно при этом оставаться безнаказанным.

Большая часть людей, пускай с изъятиями и лакунами, понимает, что такое правопорядок и зачем он нужен, понимает, как плохо то, что он нарушается. Но если все нарушают, в том числе и власти, то что же мне одному дурачком ходить!

И опять же именно самоуправление (при групповой собственности и конкуренции) способно быстрее всего разорвать круговую поруку правонарушений, коррупции, вменить людям в и н т е р е с отстаивать свои права и не нарушать чужие, соблюдать правила игры и бороться с произволом.

Вспомним, как у Андрея Платонова в "Потухшей лампе Ильича" артельщик огрел железной калошей милиционера, пришедшего за привычной мздой в фруктовый сад, к тому времени перешедший в руки (в аренду) самоуправляющейся артели времен НЭПа.

Не забудем и о "шабашниках" — самодеятельных строительных бригадах, существующих в СССР, несмотря

на то и дело проводимые властями против них кампании.

В начале 1972 года на страницах "Литературной газеты" прошла дискуссия о том, что делать с бригадами "шабашников" — разгонять, или узаконить, использовать? Дискуссия конечно не принесла никаких практических результатов, и "шабашники" по-прежнему остались на своих птичьих правах. Но в ходе этой дискуссии в защиту "шабашников" неожиданно было высказано весьма авторитетное мнение председателя исследовательской секции по социологическим проблемам села* АН СССР, д-ра Ю. Арутюняна. Обобщая наблюдения возглавляемой им секции, Арутюнян писал:

"Эти бригады отличались удивительной сплоченностью, основанной на здоровых коллективистских началах. Все вопросы обсуждались "миром", и уж что решалось, то становилось законом. Отсутствие пьянства, взаимная выручка, стремление довести строительство до конца, сделать все, как надо, чтобы заказчик не был в обиде, — этим отличались бригады.

Производительность их труда была такова, что ломались все привычные нормы и мерки. Если бы колхозы поставляли материалы без перебоев, то производительность была бы еще выше."

Комментарии к его словам излишни.

Я мог бы сослаться и на то, что самоуправление в России может опираться на "корни" общинного самоуправления крестьян в царской России и идеи русского народнического и анархического социализма (Лавров, Кропоткин и др.), но я не хочу этого делать. Во-первых, от тех корней (как и от многих других) уже мало что осталось. 60 с лишним советских лет равнозначны несколькими прежним векам — столь это время было наполнено событиями.

А главное, самоуправление опирается на более глубокий и прочный фундамент — на потребности человеческой природы. Успешное существование самоуправления

* Для иностранных читателей поясню, что строительством "шабашники" занимаются в основном на селе. Строят и для крестьян и для колхозов, отчаявшихся дожидаться помощи от государства

в столь разных странах, как Испания и США, — тому лишнее доказательство.

Наконец, Россия * созрела для самоуправления и по той важной причине, что ее народы имеют уже ценнейший опыт "антитезиса" — тоталитарного социализма—"коммунизма".

* Говоря "Россия", имею в виду Россию, а не империю русско-советскую. Закавказские республики и Средняя Азия могут пойти в иных направлениях хотя бы потому, что там не столь многочислен инженерно-рабочий слой, наиболее заинтересованный в самоуправлении

НО СПОСОБНА ЛИ РОССИЯ ОСВОБОДИТЬСЯ ОТ ТОТАЛИТАРИЗМА?

Так что вопрос не в том, годится ли Россия для демократии и самоуправления, а в том, как сдвинуть могильную плиту тоталитаризма? И сделать это до того, как кремлевские старцы зажгут или спровоцируют термоядерный пожар.

Наиболее реальная схема избавления от тоталитаризма для Советского Союза теперь, после Польши и Чехословакии, уже ясна: это "польская" волна массового возмущения и забастовок и приход на ней к власти русского Дубчека, приход реформаторов. Для Советского Союза даже не столь важно, будут ли они искренними поначалу реформаторами: "большого брата" над Москвой нет, и все будет зависеть от силы и упорства народа и интеллигенции.

Приведенная схема наиболее реальна относительно других мыслимых вариантов, вроде прихода к власти "русской партии" (которая давно уже у власти!) или "военной". Но пока, увы, нет никаких признаков, что и эта схема может осуществиться в обозримом будущем.

Сейчас на фоне польских и чехословацких (68 г.) событий ясно, что оппозиционное движение в Советском Союзе было очень слабым во всех отношениях и что советское общество (в том числе и рабочие) остается пассивным.

В чем тут причина? Способно ли вообще советское общество самостоятельно сдвинуть с себя тоталитаризм? Чем дальше бежит время, тем больше сомнений возникает на этот счет.

Можно утверждать, что гнет в СССР сильнее, чем

где бы то ни было. Но теперь, глядя на Польшу, на беспомощность польского ГБ, начинаешь думать, что может потому столь силен гнет в СССР, что слабо сопротивление?

В книге "Свобода, власть и собственность" я оспаривал тезис Лешека Колаковского о том, что "жесткость системы отчасти зависит от того, в какой мере живущие в ней люди убеждены в ее жестокости"; и что "усиление полицейских методов в СССР (писалось в 71 г.) не есть следствие усиленного сопротивления, а наоборот, следствие отсутствия сопротивления."*

Я оспаривал это утверждение, но теперь вижу, что прав был Колаковский. Мне тогда представлялось, что письма протеста против очередного ареста с десятком-другим подписей, которые писались тогда диссидентами в СССР, — это и есть сопротивление. Трудно было себе представить, что возможны совершенно иные масштабы и средства сопротивления, которые потом продемонстрировали поляки.

В Польше было сотворено чудо — создано независимое от властей общество со своими союзами, системой взаимопомощи, образования, прессой и непобедимым подпольем "Солидарности".

Польша — это удар для нас. Это источник не только надежды, но и тяжелого пессимизма. Польша доказала, что тоталитаризм можно сдвинуть без помощи сверху или извне. Ярузельский не смог бы остановить демократизацию, не будь за его спиной Советского Союза. И на польском фоне оппозиционные усилия советского общества выглядят ничтожно малой величиной.

Многие говорят (и я говорил), что в СССР ослабляет сопротивление многонациональность и национальная перемешанность населения. Но кто хорошо знаком с заводской средой в России, знает, что там нет серьезных национальных трений. Значит дело не в этом.

Можно сослаться (и я ссылался) на огромность пространств России. В сочетании, мол, с жестокой цен-

* "Тезисы надежды и безнадежности", ж-л "Культура", № 2, 1971 Париж.

зурой средств информации это приводит к тому, что сведения о волнениях очень медленно распространяются — и затрудняется возникновение цепной реакции возмущения. Но ведь Гданьск дальше от Варшавы, чем Александров от Москвы! А многие ли в Москве и когда узнали о расстреле рабочей демонстрации в Александрове (летом 61 года)? Очевидно дело тут не в расстоянии, а в безразличии или каком-то отупении огромного числа людей. Прежде всего среди образованных слоев. Осмысление событий и информация — это более всего их дело.

В Польше делу помогают религиозность народа и позиция Церкви? Да, помогают. Но в Чехословакии и в Венгрии религия и Церковь не играют такой серьезной роли, однако, и там и там активность и единство общества оказались настолько серьезными, что смогли быть подавлены лишь с помощью советской армии.

Наконец, говорят, что полякам помогает, подталкивает и объединяет их стремление к национальной независимости от СССР. Да, помогает. Но и чехи и словаки в своей борьбе опять же обходились без этого фактора. До августа 68 года в Чехословакии не существовало серьезных национально-освободительных импульсов, русские продолжали любить считать освободителями (от немецких фашистов).

Ну, и самое главное — почему-то раньше, до 1925 года, скажем, никакие объективные причины не мешали русскому и другим народам Российской империи быть весьма активными. Хотя были они тогда неизмеримо темнее, неграмотнее, только-только из-под крепостного права, и куда меньше понимали о правах. И социальный состав был зеркально противоположным нынешнему: 80% жило в деревнях. И тем не менее, ни по отношению к царскому, ни по отношению к советскому режиму народы России не были покорными. И если советский режим тогда не стряхнули, то тому было много объективных причин. Взять хотя бы одну только страшную усталость и раздерганность после 7 лет войны, мировой и гражданской. Можно, наконец, понять пассивность народа в сталинские времена. Но ведь уже 30 лет прошло с тех

пор! Второе поколение входит в жизнь. 30 лет в XX веке — гигантский срок. Сколько всего случилось вокруг за это время!

И возникает вопрос, а не является ли эта покорность, спячка (всех слоев советского общества) результатом каких-то уже слишком далеко зашедших процессов вырождения, о которых мы много говорим, но всерьез в них сами поверить не можем. Вырождения морального, или от алкоголизма, или от генетических уже, возможно, последствий всех видов сталинского террора — минимум 30 миллионов жертв в мирное время плюс 20 миллионов погибших в войну 41-45 годов, большая часть которых также на совести режима. Ведь в числе этих уничтоженных миллионов была наиболее активная и здоровая часть населения.

Но, слава Богу, с уверенностью тут ничего нельзя сказать. Однако на фоне пугающей пассивности советского общества тем более важно было бы делать максимум возможного, чтобы общество пробудить.

СОВЕТСКАЯ ИНТЕЛЛИГЕНЦИЯ, САМОУПРАВЛЕНИЕ И "РАБОЧИЙ ВОПРОС"

Но не делалось даже минимума — не велось систематической защиты социально-экономических интересов и прав рабочих и их самих от репрессий властей. (Максимум — пропаганда идей самоуправления.) И, видимо, современное диссидентство в массе своей на это вообще не способно. Дело тут не только в реактивном мышлении, но, очевидно, и в низком интеллектуальном и моральном уровне.

Чтобы полнее осознать, каков он, этот уровень, мало иметь в виду отсутствие движения в защиту рабочих и за самоуправление. Показательно тут и господство, особенно в эмиграции, авторитарного направления. От несвободы стремиться к несвободе! Невиданное, противоестественное явление.

До эпохи "Солидарности" большинство советских диссидентов лишь иронизировало, а то и возмущалось по поводу идей рабочего движения и самоуправления и даже соучаствовало прямо или косвенно в блокаде этих идей в эмигрантской прессе. После 81 года ирония и выпады иссякли, однако, никто не нашел в себе мужества признать свою неправоту и, главное, способствовать прорыву упомянутой блокады.

В итоге остается надежда лишь на то, что нынешние советские диссиденты парадоксальным образом не представляют в своем большинстве лучшей части советской интеллигенции.

Возможно, в Советском Союзе серьезные, интеллектуально и нравственно развитые люди редко втягиваются

до сих пор в оппозиционное движение ввиду его крайней неэффективности и почти полной безнадежности.

Но даже если это и так, то ведь образуется порочный круг: чтобы оппозиционная деятельность сделалась эффективной, небезнадежной, необходимо очевидно, чтобы поднялся и взволновался народ, "массы", рабочие, а для этого нужно, чтобы поднялась и взволновалась лучшая часть советской интеллигенции.

Между прочим, среди советской интеллигенции почти не осознается тот факт, что однажды в Советском Союзе могла возникнуть "польская" ситуация, что однажды по стране прошла волна возмущения рабочих — демонстраций, забастовок и даже восстаний — в 1960-62 годах. Я собирал сведения о тех волнениях, и мне известно сейчас уже 15 городов, в которых они прошли. Я подробно писал об этом*, и сейчас лишь перечислю города: Александров, Муром, Нижний Тагил, Новочеркасск, Темир-Тау, Одесса, Днепродзержинск, Лубны, Куйбышев, Кемерово, Кривой Рог, Грозный, Донецк, Ярославль, Мурманск. И это только то, что мне известно. Широко же известен лишь Новочеркасск и, возможно, еще один-два пункта.

Советское образованное общество не только не пришло на помощь рабочим, но и почти не обратило внимания на ту волну. В 62 году в его среде не возникло даже и такого слабого (на польском фоне) движения сочувствия и протеста, какое возникло в 65 году после ареста Синявского и Даниэля. Не возникло следовательно и информационной цепочки: диссиденты — иностранные корреспонденты — "радиоголоса".

Представим себе, что мир и страна узнали бы о событиях в том же Новочеркасске (1—3 июня 1962 г.) в первые же дни, и с достаточными подробностями. И так же обо всех других волнениях того периода. Представим, что известные писатели, ученые, артисты стали бы, наряду с

* "Рабочие волнения в СССР в начале 60-х годов". Опубликовано в журналах: "Сучасность" (США, октябрь 78 г.); "Панорама" (Италия, 1.5.79 г.); "Критик" (Англия, № 10-11, 79 г.); "Альтернатива" (Франция, № 3, 80 г.); "Контакт" (Франция, № 7-8, 84 г.); "Форум" (ФРГ, № 1, 82 г.); а также в авторском сборнике "Из портативного ГУЛага российской эмиграции" (Мюнхен, 1983 г.)

простыми гражданами, гласно протестовать. И это еще в пору подверженного добру и влиянию Хрущева. Кто знает, история могла бы пойти по-другому!

Отметим попутно. Вопреки распространенному среди интеллигенции мнению о том, что "русский бунт всегда бессмысленен и беспощаден", ни об одном тогдашнем случае волнений неизвестно, чтобы допускались жестокости, грабежи и т.п. Были случаи — закидывали бульбжники в окна домов местных властей, или даже поджигали их, — но это всякий раз происходило лишь после того, как оттуда начинали стрелять, или после иных злодеяний властей.

Но, повторю, события того времени в своей совокупности как волна возмущения не вызвали почти никакой реакции в образованном обществе и потому оказали минимальное, близкое к нулю, влияние на атмосферу в стране, а на самих рабочих произвели негативный, деморализующий эффект. Я неоднократно наталкивался среди рабочих на высказывания такого рода, что в случае серьезном власти не преминут воспользоваться силой, *"как то было в Новочеркасске"* или где еще. Среди рабочих о волне возмущений в начале 60-х годов знают и помнят лучше, чем в среде интеллигенции. Но память эта служит тормозом. Терпеть поражение и погибать без какой-либо поддержки общества, без какого-либо отзвука, без смысла — память о подобном никогда еще никого не вдохновляла

* * *

В среде русского народа, лишенного, в отличие от польского, национально-освободительного импульса, пропаганда программы, отвечающей глубинным потребностям людей, важна не только для того, чтобы разбудить народ, но и *смягчить* его в случае пробуждения. Когда люди поднимаются не для того только, чтобы ломать, но и строить, им гораздо легче держать себя в руках, избегать эксцессов.

Наконец, распространение такой конструктивной программы увеличивает и шансы на появление реформа-

торов в руководстве партии. Народу надо знать, в каком направлении давить и во имя чего, и тем, на кого он будет давить, это тоже нужно знать!

Реалистическая оппозиционная программа, особенно при ее широком распространении в обществе, может найти сторонников, искренних или конъюнктурных, и среди руководящих кадров.

БЕЗНАДЕЖНОСТЬ "АНТИКОММУНИЗМА"

Сейчас в русских оппозиционных кругах, вытесненных в эмиграцию, господствующим является направление, называющее себя антикоммунистическим. (Оно же — "национально-религиозное"). Идейный вождь этого направления А.Солженицын, как известно, выступает за возвращение России далеко назад, за февраль 17-го, к какому-то авторитаризму (т.е. царизму) "под эгидой православия". Да еще 16-го века — "неиздерганного реформами Никона"!

"Коммунизм", в котором он видит мистическое, абсолютное зло, Солженицын считает порождением Запада, насланным Западом на Россию (в основном с помощью евреев и других "инородцев"), где он не имеет никакой почвы ("русский народ был первой его жертвой") и представляет собой временное чужеродное явление, которое должно быть полностью уничтожено, искоренено.*

Сахаров же, для сравнения, стоит за конвергенцию между Западом и Востоком, между капитализмом и строем, существующим в СССР. Сахаров, разумеется, не употребляет термин "коммунизм" для обозначения этого строя и считает его на деле монопольным государственным капитализмом. (Коммунизм существует разве только в Израильских кибуцах.) Но главное тут не в терминологии, а в том, что Сахаров не верит в возможность *полной* ликвидации строя, называемого антикоммунистами ком-

* Чтобы понять, как позорит эта концепция русский народ надо представить, что немцы, скажем, говорили бы подобное: национализм был привнесен извне (в основном с помощью австрийцев и других "инородцев"), в Германии он не имел никакой почвы, и немецкий народ был первой его жертвой! К чести немцев среди них не нашлось подобных патриотов.

мунизмом. Поэтому и выступает за конвергенцию, за сближение укладов, за встречу их где-то посередине* (в точке синтеза, как я говорю); альтернативой этому Сахаров видит лишь термоядерный пожар.

И я тоже, естественно, придерживаюсь мнения, что антикоммунизм не имеет никаких победных перспектив и даже мешает в борьбе с так называемым коммунизмом.

Иногда приходится слышать: почему это антифашистом быть хорошо, а антикоммунистом — плохо? Или вы считаете, что коммунизм лучше фашизма? О, нет! Я считаю, что "коммунизм" (т.е. тоталитарный социализм) на практике не лучше и не хуже, но в известном смысле опаснее фашизма. И именно потому опаснее, что "коммунизм", в отличие от фашизма, родился из лучших устремлений человечества и является поэтому в истории человечества этапом: реакцией, антитезисом на первозданный капитализм со звериным ликом. А фашизм (нацизм) по сути и происхождению — всего лишь крайний и примитивный антикоммунизм эпохи панического страха европейской буржуазии перед социалистической революцией и влиянием Советского Союза.

"Реальные" коммунисты также не гнушаются, наряду с высокими, использовать и низменные стремления людей, фашизм же держался почти целиком на стремлениях низменных. Потому против фашизма и достаточно было антифашизма!

Когда русские "антикоммунисты" внушают Западу, что русский национализм под эгидой православия — единственная сила, способная уничтожить коммунистический режим в России, то они всего лишь повторяют Гитлера, уговаривавшего немецких магнатов, что только ставка на немецкий национализм принесет победу над "еврейским" коммунизмом в Европе. Разница лишь в том, что у Гит-

* Несмотря на это, Солженицын упорно приписывает Сахарову стремление "максимально копировать для России западную систему" и в доказательство приводит слова Сахарова: "Я считаю единственно благоприятным для любой страны демократический путь развития." ("Вестник РХД", № 40, стр. 316.) То есть, Солженицын считает демократию специфически западной формой и сутью западного уклада жизни.

лера были более рациональные основания: Германия проиграла войну и была унижена Версальским миром. К тому же она имела в то время национально монолитное население при одном, но преуспевающем нацменьшинстве — идеальная ситуация для разжигания черных националистических страстей.

В болезненно-”реактивном” мышлении правых советских диссидентов понимание благородных истоков коммунизма вытеснилось в подсознание (какие там еще у него могут быть благородные истоки!) и преломляется на поверхности сознания в представление о дьявольской силе и коварстве коммунизма. В результате, кроме свирепой ненависти к коммунизму, смешанной со страхом перед ним, кроме призывов к применению силы и ограничению демократии (для усиления ее против коммунизма), ничего иного наши антикоммунисты предложить не могут.

И конечно, такой антикоммунизм способен только отпугивать людей в ”органически” коммунистических странах (где ”коммунизм” не был навязан силой извне) и способствовать стабилизации режимов этих стран.

Стабилизации ”коммунистического” режима в СССР способствует и ставка русских антикоммунистов на великорусский национализм, на призыв к сохранению ”единой и неделимой” Великой России. Пропаганда этих идей разумеется усиливает недоверие и неприязнь к русским со стороны нерусской (и неправославной) половины советского населения. Раньше власти проводили политику национального разобщения — ”разделяй и властвуй!” А у нас этим начали заниматься и диссиденты.

Стабилизации ”коммунистического” режима в СССР способствует и яростная антизападная пропаганда русских антикоммунистов. Притом направленная прежде всего против демократии и правопорядка и предрекающая неизбежную гибель Запада. *”Комично печальное впечатление от того, как плюралисты (т.е. диссиденты-демократы) несут и слагают свои жалобы и надежды к стопам Запада, ослепленно не видя, что Запад сам — накануне гибели, и сам себя уже не способен защитить.”* (А.Солже-

ницын — "Наши плюралисты", "Вестник РХД", № 139 стр. 147). Надо понимать — победа коммунизма неизбежна. Кто знает, скольких уже людей, готовых подняться на борьбу с режимом, остановила эта пропаганда? Ведь это же говорится не "Правдой"!

* * *

Но пора обобщать и заключать.

Окончательно и полностью сможет победить и выгнать "коммунизм" только такое движение, которое будет идти вперед, а не назад или вбок. Вперед — это значит к большему соответствию с человеческой природой.

Конвергенция (та — здоровая, по словам Сахарова,) — это не поворот на 90° (для СССР — направо, на Запад, а для Запада — налево, на Восток), а это сближение впереди, по ходу поступательного движения человечества. Движения к большей демократии, к тому, чтобы, кто был ничем, стал бы действительно всем, т.е. имел бы "решающий голос во всех касающихся его делах".

Начните говорить о таком движении, и последняя советская кухарка задумается.

Вот только способна ли начать такой разговор советская интеллигенция? Или, может быть, "инженерно-рабочий класс" сумеет подняться сам, без ее помощи?

Ответить на эти вопросы, от которых, наверное, зависит судьба человечества, никто из нас смертных разумеется не может.

Повторю здесь заключение, сделанное мною в книге "Свобода, власть и собственность". А именно, что мыслимо такое положение, при котором нигде в природе существа, осознающие свою смертность, не успевают или оказываются не в состоянии создать условия для того, чтобы перестать быть рабами страха смерти и его бесов, но успевают создавать средства всеобщего уничтожения. То есть, что сознание везде обречено на гибель от собственной силы (способности познавать как тайны природы, так и смертность всего живого). Это вполне в духе диалектики.

В этом случае сознание пришлось бы признать пере-

хлестом, излишеством природы, а наши мечты об обществе самоуправления — утопией. И если эта мрачная закономерность существует, тогда то, что происходит с Советской Россией, с ее населением и интеллигенцией, возможно, является проявлением упомянутой выше закономерности. Иными словами, России (в этом случае) возможно предназначена миссия положить конец существованию человечества. В отличие от наших антикоммунистов я не верю в возможность победы или распространения "коммунистического" режима СССР на весь мир, но допускаю, что термоядерный пожар на земном шаре он разжечь может.

